его признанию, ограничивается только исправлением «темного и невразумительного слога». Это заявление для нас интересно как определенная установка автора, стремящегося к максимуму достоверности в передаче «духа эпохи».

Выявив свои республиканские симпатии, Карамзин стремится, однако, показать неизбежность падения вольного Новгорода. Внешней причиной поражения новгородцев оказывается измена Димитрия Сильного во время решающего сражения: «Димитрий изменил согражданам!.. Не исполнил повелений вождя, завел стражу в непроходимые блата, не встретил врага и дал ему время окружить наше войско» (I, 713). Однако эту опасность Марфа могла предвидеть. Она сама рассказывала старцу Феодосию о Димитрии: «Сильна рука его, но сердце коварно: он встретил за городом посла Иоаннова и тайпо говорил с ним» (I, 697). Появление предателя в среде вольных новогородцев — это факт, решающий судьбу новгородской республики: «... автор дает довольно прозрачно понять, что люди в Новгороде находятся на той степени нравственности, "на которой республики падают"». 42

Трудно, однако, принять утверждение, что в «Марфе Посаднице» «исход сюжетного развития полностью подчинен авторскому произволу». 43 Напротив, как нам кажется, по сравнению с «Натальей, боярской дочерью» «Марфа» знаменует новый этап в творчестве Карамзина, стремящегося теперь уловить логику исторических событий, проследить их закономерности. В «Наталье» — «хороший конец» по воле автора, в «Марфе» — конец не может быть однозначным, в самом примитивном смысле он скорее «плохой», чем «хороший»: Марфа погибает. Но ее судьбу решаст история, и писателю важно показать, что каждое отдельное событие предопределено другим: «Мудрый Иоанн должен был (курсив мой, -H. K.) для славы и силы отечества присоединить область Новогоролскую к своей державе». «им (новгородцам. --Н. К.) должно было предвидеть, что сопротивление обратится в гибель Новугороду, и благоразумие требовало от них добровольной жертвы» (І, 680).

Такой подход к историческому материалу не отдалял писателя от современности, а приближал к ней. «Я не верю той любви к отечеству, — писал Карамзип, — которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем» (II, 189).

Давний интерес Карамзина к теории циклов все больше оказывается связан с осмыслением современных писателю событий. В «Вестнике Европы» оп печатает перевод «Истории французской революции, избранной из латинских писателей». Карамзину

⁴² Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Н. М. Карамзина, с. 159.

⁴³ Лотман Ю. М. Пути развития русской прозы 1800—1810-х годов. — Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Труды ист.-филол. фак-та, 1961, вып. 104, с. 36.